

Памятники истории и культуры

Т. И. Чечина

Предания красноречивых стен

Из истории Усадьбы Лопухиных

Священны, о Москва, преданья
Твоих красноречивых стен:
Они — скрижаль бытописанья
Богатых славою времен.

П.А. Вяземский

Памятник культуры — историческая память человечества. Энергетика его пространства подобна сложной симфонии, полна разнообразных мелодий человеческих переживаний. В его биографии мудрость и поэзия, сложная мозаика неопровержимых фактов и увлекательных домыслов, ее можно читать, как роман. Дворянская усадьба, давно перестав быть прибежищем частной жизни, как памятник истории и культуры тянет длинный шлейф событий и судеб, которые придают ей особую значимость.

Драгоценной россыпью наполняют усадебные ансамбли поле российской культуры. Их внешний облик (если только это не руины), как правило, является собой прекрасное архитектурное произведение. Их интерьер (если он не подвергался коммунальным перестройкам и не оккупирован коммерсантами) хранит не только уникальные предметы, но прежде всего атмосферу былых времен.

«Около старины нужны чуткие люди», — говорил Николай Константинович Рерих. Именно такие люди собирают по крупицам эмоциональную, духовную историю памятников, которая хранится в старинных книгах, дневниках, письмах и семейных преданиях. Мифы, сказания, исторические легенды — первый ключ, который открывает душу, чтобы пробудить в ней

Место где родился Марк Аврелий
Когда соприкоснулся со страной своей
Август и Магистр Евклид Киндский КСРВ
Аннушка Частно слава Российския Империи

Тот рван сериан Корб и флот соби Коллея
Канун М трезь музб наль Пошу Ассамблея

интерес к живой истории. «При оживлении памятников оживут и тысячи музейных предметов и заговорят с посетителями совсем иным языком; они сделаются живыми частями целого, увлекательного и чудесного. Не опасаясь педантичной суши, пойдет молодежь к дедовскому наследию; полная надежды, заглянет она в чело его... <...> Привлекайте к памятнику целые поезда любопытствующих. <...>...зазывайте небылицами красивыми, украшайте каждое место легендами (издатели, слушайте!), громоздите эпизоды любовные... <...> Чем до сердца доходчивее, тем и думайте; но старину сберегите!»¹

Дворянские усадьбы — все они вышли из прошлого, все они — наше современное достояние. Но не каждая имеет перспективу, даже в смысле гарантии сохранности. Усадьба Лопухиных — одна из тех счастливиц, которым довелось прожить долгую, богатую жизнь и, минуя старость, одолев свою ветхость, шагнуть в будущее.

«Удивительный уголок старой Москвы»

В конце 80-х годов XX века выдающийся художник и общественный деятель С.Н. Рерих, выполняя завет родителей, передал наследие семьи Рерихов на родину, в Россию. Развернувшаяся в стране перестройка благоприятствовала этому: С.Н. Рерих обсудил с президентом страны М.С. Горбачевым план создания общественного Музея имени Н.К. Рериха и получил возможность выбрать одно из старинных зданий в центре Москвы. Святослав Николаевич предпочел всем другим зданиям Усадьбу Лопухиных, в тихом переулке в нескольких метрах от Волхонки², рядом с Музеем изобразительных искусств имени А.С. Пушкина.

Усадьба Лопухиных — памятник истории и культуры XVII—XIX вв., один из старинных и прекрасных ансамблей столицы. Его цент-

Неизвестный художник. Портрет Евдокии Лопухиной

ральным звеном является белокаменный двухэтажный дом, в облике которого искусно сочетаются несколько художественных традиций прошедших трех столетий. Главный фасад, выполненный в стиле классицизма, украшен изящным портиком, колонны коринфского ордера придают ему стройную легкость, нарядность и торжественность...

Нет, нет, всего этого Святослав Николаевич увидеть не мог. Перед его взором предстали почти руины главного здания и флигеля в едва сохранившемся усадебном парке. Но, выбирая это место для музея, он видел возможности воссоздания некогда прекрасного дома, верил, что здесь будет центр высокой культуры, и привлекал для этого людей

надежных и деятельных. Он улавливал богатое историко-культурное наполнение этого пространства столицы и угадывал славное будущее для того, что было им задумано.

«Здесь удивительный уголок старой Москвы, где атмосфера проникнута духовностью и красотой», — говорил С.Н. Рерих. И действительно, углубление в историю показывает, что каждый дом так или иначе связан с жизнью и деятельностью замечательных представителей отечественной культуры. В бывшей усадьбе князей Голицыных (ул. Волхонка, 14) жили Суриков, Чайковский, Горький, Репин, Скрябин, Пастернак; драматург Островский здесь написал «Бесприданницу» и другие свои лучшие произведения. Ранее, в середине XIX века, в этом доме был создан первый в Москве частный музей с картинной галереей, библиотекой, многими редкими книгами и предметами, здесь находилось Русское хоровое общество и даже Консерватория. С другой стороны Усадьбы Лопухиных, в доме № 5/6 по Малому Знаменскому, родился и жил поэт и литературный деятель П.А. Вяземский, близкий друг Пушкина, жили историк Карамзин, художник Серов. Да и сама Усадьба Лопухиных содержит в своей биографии немало интересного и значительного.

Если бы пространство могло развернуть для нас свои сокровенные свитки, в которых запечатлены события и судьбы прошедших веков, если бы вдруг заговорили лестницы и стены, своды и колонны — сколько раскрылось бы глубоких человеческих переживаний, не учтенных историками, не описанных в мемуарах и романах...

Радости и горести Лопухиных

Царская карета повернула с переулка во двор усадьбы, не замедляя хода, стремительно проехала через широкую сквозную арку боярского дома и, сделав крутой вираж, подкатила прямо к высокому шатровому крыльцу.

Федор, хозяин усадьбы, уже вышел навстречу дорогому гостю, — чинно, сдерживая волнение,

подал ему серебряный кубок золотистого олуя³. Осушив его разом, Петр поднялся по двухъярусной лестнице, оказавшись на втором этаже нового, белокаменного, как полагается для знатного боярина, дома. Не присев с долгой дороги к щедро накрытому столу, стремительно зашагал из палаты в палату, наклоняясь под арками переходов, похваливая тестя за добротное строение. Раздумывая Федор от царской похвалы, от удовольствия. Федор... Все не привыкнет он, Илларион, к этому новому своему имени, которое пожаловано ему вместе с боярским чином, вместе с этой землей, на которой дом его поднялся, как на дрожжах, на средства из царской казны. Место здесь, на Чертолье⁴, славное. Еще до монголов проклятых селище было славянское, богатое. Потом дворовые, опричники да стрельцы под самую стену до Пречистенки заняли прегусто. Теперь вельможи знатные скупают земли да строятся. Белый Город! И Кремль — рукой подать, и дышится здесь как-то по-особенному... Вот уж привалило счастье — нежданно, негаданно! Евдокия, Дуня, дочь родная, дородной выросла и собой хороша; жениха ей присматривали. А тут — сам царевич! Словно сказкой жизнь обернулась... Служил он, Илларион Лопухин, старательно, как умел, царю Алексею Михайловичу и царице Наталье Кирилловне — от стряпчих до сотника, но чтобы Дуня царской невестой выбрана оказалась... Вот уж судьба — что ручей в поле течет: не знаешь, куда повернет. Еще и дальше имение пожаловано — Ясенево, со крестьянами, с пашнею, с санным покосом и со всеми угодами. Как награду хранит Илларион «жалованную вотчинную грамоту», подписанную царственной родней — Петром и братом его Иваном, с которым они пока делят престолонаследие: «Оставя дом свой и всякое успокоение, у нас, великих государей, в нашем царском доме пребывая неотступно... служит верно и бескорыстно и нашего великих государей здравия оберегает, яко зеницу ока со всяким радением». Ох, и голова-то закружится от такого богатства!.. Имя вот на старости поменяли, ну да что за беда:

³ Медовое пиво.

⁴ Район Москвы, занимавший территорию между Москвой-рекой, Неглинной и Чертогорией (Чертольем).

Генерал Пипер

дочке-то теперь, царице будущей, звучно величаться нужно — Евдокия Федоровна.

Так это было или иначе... Может, Петр I никогда и не был в усадьбе тестя в доме его на Чертолье. Да только радость и удовольствие наверняка были те первые и сильные чувства, которые жили в пространстве боярского дома Лопухиных, наслаиваясь и напитывая все то, что так старательно обустроивал здесь ее первый владелец.

Но счастье Федора угасало год за годом. Чуяло отцовское сердце, что не ладится у дочки семейное житье. Евдокия и Петр не выбирали друг друга. Не стерпелись и не слюбились. Счастье у них было разное: он — импульсивный, жадный до всего нового, она — из мира старого, отцовского, жизни хотела тихой и сытой, в духе боярского застоя. «Ты бы чего по гиштории почитала. По-голландски, немецки учись...» — был запрос его распахнутого мира. «Пыталась, не понимаю ничего. Жену-то, чай, и без книжки любят»⁵, — упирался ограниченный мир ее души. Мать Петра царица Наталья Кирилловна женила сына, не достигшего и 17 лет, в надежде остепенить его, ускорить взросление, оторвать его от «потешных игр» в Преображенском да от гульбы на Кукуе, в немецкой слободе. Но игры были не пустой забавой — в них закладывались и вызревали основы будущих военных побед и государственных свершений. Время было смутное, страшное; Петр «поднимал Россию на дыбы». К новому, к новому!.. Даже немецкая красавица Анхен влекла его от законной жены потому, что она была оттуда, из образцового европейского мира.

⁵ Так выразительно охарактеризовал их отношения А. Толстой в романе «Петр Первый».

Фельдмаршал Реншильд

Лопухины навязчиво потянулись к царскому двору, заняв более 30 служебных при дворе мест. Это вызывало у Петра раздражение, и без того тяготило его боярство — «мужичье сиволапое». В 1697 году Петр I Алексеевич, уже единовластный правитель, опасаясь участия родственников в заговорах и мятежах, отправляет Лопухиных в «почетную» ссылку: Федора — воеводой в Вологодскую Тотьму, братьев его — в Чаронду да Вязьму. А через год государева опала пришла и на Евдокию, хотя никакой ее вины не было доказано. Петр разлучил ее с сыном, царевичем Алексеем, насильно сослав в Суздальский Покровский монастырь, где было ей предписано принять постриг с именем Елена. Фактически этим закончился последний в истории России брак Государя с соотечественницей.

В стенах светлого дома, некогда осиянного неожиданными радостями, затаилась печаль. Хозяином усадьбы стал сын Федора — Абрам. Но и над ним уже нависла тайная тень подозрения. Царю шлют доносы, где говорится, что бояре его царских указов «так не слушают, как Абрама Лопухина, в него веруют и боятся его», ожидая его «скорого владычества». Однако Петр, желая привлечь Абрама в числе других молодых бояр к новым активным делам по обновлению России, отправляет его в Европу учиться корабельному делу.

А между тем Усадьба Лопухиных продолжала обустроиваться. К добротному отцовскому дому был пристроен с южной стороны ризалит с белокаменной лестницей. Срубается декор фасадов,

на окнах появляются верхние лучковые перемычки — и другие новшества. Но сохраняется и даже усиливается приверженность боярским тайным чаяниям. Пребывание Абрама за границей не способствовало обновлению его сознания и пробуждению политической дальновидности. К 1716 году вокруг Лопухина в Москве сложился круг недовольных Петром и его ошеломляющими реформами. Но старому уже не суждено было повернуть Россию вспять. Через год трагическое следствие по делу царевича Алексея, разоблачая заговор, сокрушило жизни сотен повинных и не очень, но уже не совместимых с потоком петровских обновлений, выносившим Россию из сумерек средневековья.

Новые горести обрушились на Евдокию: едва не лишилась она жизни за то, что не покорилась прихоти царя, не приняла насильственный постриг и жила в монастыре миряночкой, за тайные встречи с сыном и братом, за то, что весь пыл нерастраченной в замужестве любви отдала майору Степану Глебову (который за это был подвергнут мучительной казни). Евдокию снова заключили в монастырь — Ладожский Успенский, под строгий надзор⁶.

За участие в заговоре против царя был казнен Абрам Лопухин. Если бы Федор Авраамович и дожил до этих скорбных дней, темным саваном накрывших род Лопухиных⁷, то наверняка не пережил бы горя отцовского. В 1718 году московская и ясеневская усадьбы были конфискованы и отошли в царскую казну.

Драматические коллизии, горькие судьбы тысяч людей — История требует огромных жертв, чтобы свет незатухающего очистительного костра озарял ее шествие вперед. «Когда-то был нужен Петр Великий с дубинкой для того, чтобы сдвинуть остановившуюся эволюцию страны»⁸, — напишет Е.И. Рерих спустя более чем два столетия после завершения эпохи великих петровских перемен.

⁶ С воцарением Екатерины I Лопухина была переведена в Шлиссельбургскую крепость, в одиночную камеру без права встреч и переписки. Даже охрана не знала имени своей заключенной. Через два года была освобождена внуком, императором Петром II, сыном царевича Алексея; честь и достоинство ее были восстановлены. Поселилась в Москве в Новодевичьем монастыре, а затем в Воскресенском с хорошим содержанием. В 1731 году на ее погребении в Смоленском соборе Новодевичьего монастыря присутствовала государыня Анна Иоанновна.

⁷ Ф.А. Лопухин скончался в 1713 году, похоронен в Москве в Спасо-Андронниковом монастыре.

⁸ Рерих Е.И. Письма. Т. 3. М., 2001. С. 669.

Неизвестный художник. Петр Первый

Казалось бы, все сложилось так, чтобы навсегда забылись имена первых владельцев дома, приложивших немало трудов и забот для его процветания и, может быть, оставивших здесь свои лучшие надежды.

Но справедливость все-таки восторжествует.

Полтавские пленники

Из истории Усадьбы Лопухиных известно, что после ее конфискации Петр распорядился поселить в ней шведских высокопоставленных военнопленных. Со времен Полтавской битвы,

славной для Петра и победоносной для Отечества, прошло уже почти десять лет — что бы им было делать здесь, в Москве? Однако жильцами дома в эти годы значились и генерал Пипер, и фельдмаршал Реншильд. В историческом романе Вольтера описывается печальный и неблагоприятный для шведов эпизод: «Король, не вымолвивший ни слова, с той минуты, когда его посадили на лошадь, и до прибытия к обозу, вдруг спросил, что случилось с графом Пипером. “Пленен вместе со всей канцелярией”, — ответствовали ему. “А генерал Реншильд и принц Вюртембергский?” — поинтересовался он. “Они тоже в плену”, — ответил граф Понятовский. “В плену у русских! — повторил Карл, пожимая плечами. — Тогда уж лучше едем к туркам”».

Армия Карла XII была разбита, король «бежал в жалкой повозке», за один день потеряв «плод девятилетних трудов и почти ста сражений». А его лучшие генералы оказались в плену... в богатой городской усадьбе! Известно, что русский император относился к ним вполне (если не сказать слишком — для поверженных) благосклонно. Об этой петровской щедрости читаем у Пушкина в «Полтавской битве»:

*При кликах войска своего,
В шатре своем он угощает
Своих вождей, вождей чужих,
И славных пленников ласкает,
И за учителей своих
Заздравный кубок подымает.*

До сих пор не забыт некий исторический анекдот, в котором фигурирует личность одного из военных постояльцев Усадьбы Лопухиных. Однажды Петр I пригласил пленных шведских офицеров к своему столу. Среди многочисленных тостов государь провозгласил следующий: «Пью за здоровье моих учителей в военном искусстве!» Шведский фельдмаршал Реншильд спросил, кого император имеет в виду. Петр I отвечал, что он имел в виду шведов, в том числе и присутствующих здесь. Реншильд на это заметил:

«Ваше императорское величество! Вы очень не благодарны, раз так дурно поступаете со своими учителями». Петру I так понравился ответ Реншильда, что он велел тотчас же вернуть ему шпагу.

Скорее всего высокопоставленные пленники жили здесь тихо. Во всяком случае никаких изменений в усадьбу не привнесли. Разве что усилили ноту печали, долгое время вынужденно пребывая вдали от родины.

Мануфактура по-голландски

*«Составляйте кумпании, заводите мануфактуры... А у вас одна наука: не обманешь — не продашь...»
«По новому надо начинать жить, купцы, вот что я хочу...»
А. Толстой. Петр Первый*

В 1717 году в Россию по приглашению Петра I прибыл голландец Жан Тамес. Прозорливо воплощая свои широкие новации, Петр I со свойственной ему своеобразной щедростью отдал Тамесу в управление на 30 лет всю полотняную мануфактуру в Москве. В письменном распоряжении было сказано: «Великий государь указал иностранцу Ивану Тамесу полотняной фабрики быть директором и в компании из купечества призывать им к себе кого хотят добровольно». Компаньонами Тамеса стали: Иван Микляев — владелец суконной мануфактуры г. Казани, Максим Затрапезников — ярославский купец, Борис Карышев — сибирский купец и другие. Так произошло внедрение в поле отечественного предпринимательства деловитого и активного европейца, переименованного на русский манер.

Постепенно Тамес распределил всю мануфактуру по трем владениям, расположенным в разных частях Москвы. Самое крупное производство находилось в бывшем доме Лопухина на Малом Знаменском. Энергия и предприимчивость «директора» били ключом. Развернув грандиозное производство, он перекроил боярское строение на свой лад. Окно второго этажа северного ризалита было растесано и превращено в дверной проем: рядом было большое каменное крыльцо, и это значительно облегчало подъем различных грузов с помощью специальных блоков прямо на второй этаж, по западноевропейскому образцу. Иван Тамес, да и словно бы сам дом стремились к расширению, обновлению, выходя за рамки самих себя, подобно тому как и Россия той поры выходила стремительно, со взломом, из насиженного терема старины.

В 1720 году московская полотняная мануфактура представляла собой крупнейшее в России текстильное предприятие. В нем насчитывалось более 840 рабочих, а если возникал недостаток трудовых рук, Иван Павлович издавал распоряжение «о высылке баб и девок» из села Кохмы, которое было приписано к московской мануфактуре.

До наших дней дошло свидетельство иностранца, камер-юнкера Берхольца, бывшего в то время в Москве: «...никак не ожидал, чтобы хозяин фабрики мог устроить здесь такое заведение

и привести его в столь цветущее состояние. Оно имеет 150 ткацких станков, за которыми работают почти одни русские и производят все, что только можно требовать от полотняной фабрики».

Когда Тамес почувствовал затруднения с источниками дохода, он завел в Москве в Китай-городе лавки для продажи полотен и получил привилегию на торговлю золотыми тканями. Вместе со своими русскими компаньонами он успел основать полотняную мануфактуру в Ярославле. Но после смерти всесильного покровителя своего Петра I Иван Тамес начинает терпеть убытки; по решению сената село Кохма было изъято из его собственности и передано другим частным лицам — все это в конце концов привело к полному краху почти десятилетнюю успешную деятельность обрусевшего голландца.

В 1728 году случилось то, о чем уже упоминалось как о торжестве справедливости: указом Петра II Усадьба Лопухиных была возвращена наследникам тех, кто ее строил, и навсегда осталась в истории московского зодчества Усадьбой Лопухиных.

Ткацкие станки, инструменты Тамесу пришлось срочно вывозить из главного корпуса мануфактуры; большая часть была поломана, потеряна. Новое здание голландцу построить не удалось — дела и без того были плохи. Через год Иван Павлович Тамес скончался, и мануфактура в Москве перестала существовать.

С возвращением Лопухиных в родовое гнездо жизнь в

усадьбе вновь наполнилась активными работами по переустройству. Нам неизвестно каких-либо достопримечательностей в биографии нового хозяина — статского советника Федора Абрамовича Лопухина. Но за 30 лет его обитания здесь вместе со своим семейством произошла основательная перedelка всего дома. Полностью убирается декор XVII века, растесываются окна, устраиваются между ними пилястры на фасаде всего второго этажа. Разбирается большое двухъярусное крыльцо; закладывается, замуровывается сквозной проезд. Возводятся большие ворота с белокаменными раскрепованными карнизами и канелированными пилястрами.

XVIII век властно требовал перемен, в том числе в архитектурном стиле. Уже не было нужды подгонять вельможное упрямство суровым царским кнутом, постпетровская Россия менялась жадно и увлеченно. Растесывался, разбирался семнадцатый век в угоду восемнадцатому.

Когда встречаемся со стариной, невозможно не залюбоваться теремами с маленькими окошечками, обрамленными каменным кружевом. Заходя в палаты,

Князь Потемкин. Гравюра Джеймса Волкера

изумляемся красоте и богатству отделки низких порталов, засматриваемся на разнообразные по сюжетам и цвету высокохудожественные изразцы. Мог ли житель XVIII века, века просвещения, оставить обилие этих архаических элементов — не в музее ведь живет! Вот и стесывали, спиливали, устремившись к новому, стирали то, что потом будут воссоздавать как бесценные подробности культурно-исторического наследия.

Незабываемый год с Незабвенным

Следующий важнейший этап в биографии усадьбы приходится на 70-е годы XVIII века, когда она вошла в состав Пречистенского двorca. Три усадебных дома в центре Москвы — Голицыных, Долгоруких, Лопухиных — были объединены по плану Матвея Федоровича

Казакова в единый ансамбль, образуя большую целостную конструкцию временного назначения.

Архитектор полностью изменил фасады и интерьеры второго этажа главного дома Усадьбы Лопухиных: были стесаны пилястры фасадов, произведена частичная перекладка окон, вместо лучковых перемычек над ними устроены клинчатые. Тогда же была сооружена и дошедшая до нашего времени, хотя и с изменениями, большая парадная лестница. На втором этаже в залах восточной и западной анфилад оси дверных проемов смещаются к окнам; оконные и дверные откосы отделываются редким для того времени искусственным мрамором с вкраплениями из натуральных минералов; формируется узкий внутренний служебный коридор между двумя анфиладами; выкладываются белые зеркальные изразцы печей.

Конечно, след тех времен — не только эти значительные изменения фасадов и интерьеров, не только творческие замыслы и воплощения выдающегося русского зодчего Матвея Казакова. XVIII век екатерининской поры обогатил историю усадьбы событиями чрезвычайными в государственной жизни, а также в сугубо частной.

Императрица Екатерина II повелела построить Пречистенский дворец для празднования в Москве долгожданной победы в многолетней Турецкой войне и заключения выгодного для России Кючук-Кайнарджийского договора, который был подписан в июле 1774 года. Почему же празднества состоялись лишь через год? Зачем потребовалось годовое пребывание императрицы в Москве? И почему она пожелала новый, срочно созданный временный дворец, когда есть Кремль? И что значат эти странные крытые коридоры, которые по «конфирмованному» самой Екатериной плану Казаков протянул от Усадьбы Лопухиных к дому Голицыных и к дому Долгоруких?...

Это был самый сложный для Екатерины год за все время ее правления и самый счастливый в ее личной жизни. Пришла любовь, большая, глу-

П. Ротари. Портрет Екатерины II ▶

бокая и, наверное, единственная достойная ее необыкновенной личности, соответствующая ее богатой натуре, — Григорий Потемкин. Он останется в истории как выдающийся военный и государственный деятель, генерал-губернатор Новороссийский, Азовский, Астраханский, президент Военной коллегии, главнокомандующий русскими войсками, генерал-фельдмаршал, кавалер многочисленных орденов, Светлейший князь Таврический. Екатерининская эпоха, впрочем, прослыла, как «дни, когда убийство и разврат мужчин дородных делало богами»⁹. Фавориты императрицы вмиг получали баснословные привилегии и богатства. Потемкин же, при всей противоречивости его сложной натуры, был личностью исключительной. «Потемкин был нравственный гигант, — читаем в журнале XIX века «Русская старина». — Он увеличил блеск царствования Екатерины своими победами и территориальными приобретениями для расширения России. <...>

Он не знал слова — невозможно, он был одним из лучших украшений короны Екатерины». У него был недюжинный государственным ум, в нем сочетались таланты командующего и дипломата; ему завидовали, приписывали демонические черты, считали плутом и казнокрадом, сластолюбцем и даже колдуном. Но как друзья, так и враги уже при жизни Потемкина называли его гением.

До приближения к себе Потемкина Екатерина как будто бы и справлялась с махиной власти, доставшейся ей по воле Судьбы, — мало того, она обожала ее, как опытный наездник любит мощь напряжения, управляя неистовым скакуном. Но чего ей это стоило! Ей — женщине, которая утверждала: «...сердце мое не хочет быть ни час охотно без любви»¹⁰, — и в этом признании, как и в многочисленных ее романах, была жажда получить то сокровенное единство двух начал, без которого невозможно свершение грандиозных задач.

Тогда, в 1774 году, все у них только начиналось, бурно и ярко, взлетев на три года роскошным фейерверком, внутри которого окажется надежный пламень долгой любви и крепкой дружбы. «Душа моя милая, бесценная и безпримерная, я не нахожу слов тебе изъяснить, сколько тебя люблю», — писала Екатерина Потемкину, а он подобное ей, — так они посылали друг другу по несколько писем в день, даже когда находились в соседних комнатах. Любовь не мешала им решать труднейшие государственные вопросы, и, более того, их политическое партнерство благополучно вынесло Екатерину из сложнейшего кризиса в ее правлении. Война с Турцией, изнурившая за шесть лет русские войска, заходила в тупик. Вокруг наследника Павла, вступившего в совершеннолетие, группировались недовольные императрицей, назревал заговор, чреватый государственным переворотом. В прикаспийских областях, на юге Урала бушевало пугачевское восстание. Каждое из этих драматических обстоятельств, в случае промедле-

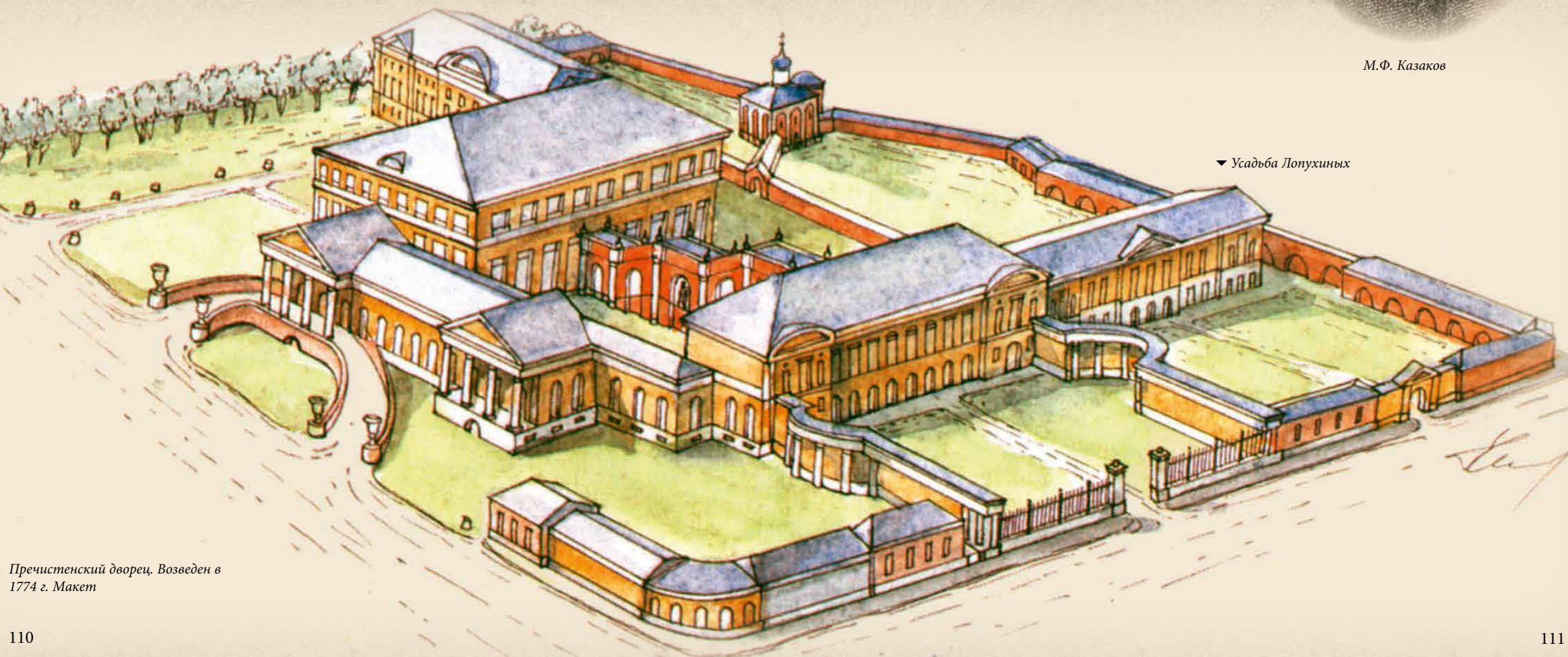

М.Ф. Казаков

▼ Усадьба Лопухиных

⁹ Байрон Дж.Г. Дон Жуан. У1Г 37. Пер. Т. Гнедич.

¹⁰ Здесь и далее цит. по: Екатерина II и Г.А. Потемкин. Личная переписка. 1769—1791. М., 1997.

Пречистенский дворец. Возведен в 1774 г. Макет

Карта Ходынского поля. Народный праздник на Ходынке (июль 1775 г.)

ния, грозило крушением для нее, получившей когда-то не совсем легитимно русский престол. Екатерина признавалась, что сохранением своей власти в грозный 1774 год она обязана именно Потемкину. Он вселял чувство абсолютной уверенности, что любые победы возможны и все желания достижимы. Он убедил императрицу в необходимости дать главнокомандующему князю Румянцеву все полномочия в маневрах по заключению мира с Турцией. Он единственный из Совета поддержал ее желание поехать в Москву для укрепления власти во внутренних областях империи. Московское дворянство было взволновано приближением пугачевских повстанцев;

подмосковный Троицк был захвачен беглым крепостным, объявившим себя, как и Пугачев, Петром III.

Наконец Кючук-Кайнарджийский мирный договор, ко всеобщему облегчению, был заключен. Это событие давало возможность представить ее визит в Москву не как маневры перепугавшейся власти по поводу самозванцев и бунтарей, — она ехала устроить для москвичей грандиозные празднества со всевозможными щедротами. Чтобы забылась и недавно пережитая страшная чума, и пугачевская угроза, и чтобы ее, царицу, свою благодетельницу, вспоминали добрым словом долгие лета.

Однако Пугачев, несмотря на сокрушение его 25-тысячной крестьянской армии, был до сих пор не пойман. Екатерина медлила с московским праздником, выжидая, чтобы обе победы сошлись в единое незабываемое торжество. В конце сентября 1774 года началось сооружение Пречистенского ансамбля, включившего в огромный проект также и реконструкцию Усадьбы Лопухиных.

А ровно через сто лет родится тот, кто светом своего великого искусства озарит стены преобразующегося в очередной раз дома, тот, чье имя наполнит его историю новой, духовной славой¹¹.

¹¹ Н.К. Рерих родился 27 сентября — по новому стилю 9 октября — 1874 года.

Осенью 1774 года Пугачев был пойман и в январе следующего казнен в Москве на Болотной площади (Екатерина II, то ли смягченная любовью, то ли боясь потерять в глазах просветителей Европы титул «философа на троне», повелевала исключить обычные для казни того времени изощрения). Теперь Екатерина и Потемкин могли отправляться в Москву. И хотя в то время уже объявилась так называемая княжна Тараканова, якобы дочь Елизаветы и сестра Петра III, — всего за время правления Екатерины будет не менее 30 разных самозванцев, — все же казнь Пугачева заканчивалась самая острая строка этого сюжета.

Для Потемкина Москва была городом его студенческой юности, к тому же здесь жила его старая мать. Екатерина въезжала в Москву государыней-благодетельницей, просветительницей, — но москвичи встретили ее вызывающе прохладно. Ни возгласа приветствия, ни выражений почтения. Она поселилась со своей свитой в Пречистенском дворце. Несмотря на грандиозность и роскошь сооружения, во дворце было неуютно, холодно от сквозняков. И — невероятное обилие дверей! «Я в жизнь мою столько не видела их», — говорила Екатерина. Но все-таки М.Ф. Казаков за проект дворца получил звание архитектора, что открывало для него возможность иметь престижные заказы.

Во время строительства дворца Екатерина лично обсуждала с Казаковым все важные для нее детали. Усадьба Лопухиных скорее всего предназначалась для Потемкина. Коридоры, точнее сказать, переходы-галереи, соединявшие здания, были двухэтажными и при необходимости отапливались. Возможно, это было проявлением заботы Екатерины о своем сужденном. Во дворце Царского Села Потемкин проходил в спальню императрицы по очень холодному коридору, и Екатерина в письмах предупреждала его, чтобы не простудился, чтобы не ходил босиком. Спустя годы, когда многое уже изменится в их личной жизни, идея «приватного коридора» для встреч с Потемкиным будет воплощена по ее распоряжению и в Зимнем дворце.

На территории Кремля в то время шла реконструкция Кремлевского дворца, была разобрана стена, выходящая на Москву-реку. Кремль неприятно напоминал Екатерине о русской приверженности к мужскому престолонаследию, он был ей так же чужд, как и москвичи, сердца которых она безуспешно старалась покорить: приветливо улыбалась им, надевала сшитый специально для Москвы сарафан и роскошный кокошник, выучила

множество русских народных пословиц и поговорок. И хотя, как писал Пушкин в «Медном всаднике», «перед новою столицей померкла старая Москва», Екатерина желала произвести на нее сильное впечатление, но эта «дворянская республика» затаилась, как недобрая свекровь.

Екатерина снизила цену на соль — москвичи выслушали оглашение указа и молча разошлись. В апреле она устроила пышный бал по случаю своего дня рождения, но в Пречистенский дворец съехалось так мало приглашенных...

Подготовку празднования Кючук-Кайнарджийского мирного договора (спустя год!) Екатерина поручила Потемкину. Она понимала, как важно было ему развернуться и проявить себя на этом новом для него поприще. По всему городу были сооружены триумфальные арки, подготовлены фейерверки, показательные военные выступления. 10 июля Екатерина со свитой прошла пешком от Пречистенского дворца до Кремля, на территории которого уже были торжественно выставлены полки, возле колокольни — вестовые пушки. От главного, Красного крыльца до дверей Успенского собора простирался помост, покрытый сукном, по которому императрица, в большой короне и пурпурном плаще с горностаем, величественно прошествовала под звон колоколов и направилась в собор в сопровождении Румянцева и Потемкина. Балдахин над ее головой несли двенадцать генералов, а шлейф — кавалергарды в красно-белых мундирах и серебряных шлемах с плюмажем из страусовых перьев. После молебна Екатерина вручила в Грановитой палате награды и дорогие подарки фельдмаршалу Румянцеву, князю Долгорукову и, конечно, Потемкину.

Праздник должен был продлиться две недели. Потемкин позаботился и о народном гулянии. На Ходынском поле были устроены ярмарки, по проекту выдающихся зодчих В. Баженова и М. Казакова возведены павильоны, символизирующие Черное море «со всеми нашими завоеваниями». Там же был разбит парк с дорожками, которые изображали Дон и Днепр; театры и столовые названы именами черноморских портов. Политический мотив праздника явно прочитывался в обилии турецких минаретов, готических арок и классических колонн, а вереницами карет правила кучера, наряженные турками, албанцами, сербами, черкесами, гусарами и даже неграми. Из фонтанов струилось вино, щедро угощали жареными быками, — 60 тысяч человек гуляли во славу императрицы и военных побед!

Екатерина осталась очень довольна Потемкиным и его творчеством. И хотя Потемкин все

больше утверждался в абсолютном фаворе и практически становился соправителем императрицы, душу его все чаще охватывали нервическое беспокойство и неудовлетворенность, а порой и глубокая ипохондрия, мучительная для него и для Екатерины. Мы привыкли к словосочетанию Екатерина Великая, и для нас, отдаленных от той эпохи более чем на два столетия, в образе императрицы видится не женщина, а мощная государственная личность. С портретов Левицкого и Рокотова она взирает, исполненная непобедимого самодержавия, неуязвимой уверенности и независимости. И все-таки она была женщина, и у нее были свои женские слабости и пороки, привязанности и страдания. Екатерина готова была оказать возлюбленному все мыслимые и немыслимые доверия, воздать все почести и награды... Но не могла же она подарить ему престол!

«Душа, я все сделаю для тебя, хотя б малехонько ты б меня воодушевил ласковым и спокойным поведением... Сударка, муж бесценный».

Существует не одно семейное предание свидетелей тайного бракосочетания¹² Екатерины и Потемкина, и скорее всего это не миф, а та последняя крайность, которую она, любящая женщина, — но императрица! — могла себе позволить для заверения своих чувств. Она называла его в письмах «владыка», «дорогой супруг», напоминала о «святейших узах», соединивших их. Но ничто не могло успокоить его мятущейся души, в глубине которой томился вулкан — жажда деятельности с размахом, соответствующим его натуре и талантам. Еще в мае, перед началом торжеств, Екатерина со всею свитой посетила Троице-Сергиеву лавру. Это было демонстративное паломничество в угоду московским православным традициям. Потемкин же, оставив всех, несколько дней провел в монашеской келье. Вряд ли это был очередной эпатаж, которыми он время от времени ошеломлял Екатерину и ее окружение. Духовный мотив с давних пор был словно бы вплетен в его жизнь. И родился-то он в Духовщинском уезде Смоленской губернии, и обучался в Смоленской семинарии, и, будучи студентом Московского университета, общался исключительно с монахами, мечтая стать архиереем. Его мать рассказывала близким о невероятном сневидении за несколько часов до рождения сына: огромный раскаленный шар солнца мчался прямо на нее... Может быть, в благодатной ауре Сергиевой лавры Потемкин предощутил тот поворот судьбы, где начертано ему изменить внешнюю политику империи, присоединить Крым, построить город, заселить пустыни, основать Симферополь и Севастополь, создать Черноморский флот, реформировать русскую армию...

Неизвестный художник. Портрет Александра I

Ж.-Л. Монье. Портрет супруги Александра I Елизаветы Алексеевны

Осенью отношения Екатерины и Потемкина заметно осложняются. Они еще не знают, как выйти из этого кризиса. Потемкин все больше тяготился положением фаворита, все больше нуждался в свободе и поприще для созревших творческих сил. Они покидали Москву морозной зимой 1775 года, уже предчувствуя в глубине души неизбежность перемен. Предоставив друг другу свободу, они останутся друзьями и даже фактически соправителями на долгие годы; они смогут, на удивление всем, сохранить крепкие душевные связи, внутри которых горел истинный огонь любви.

Сиротливо опустевший Пречистенский дворец простоит еще два года, будет разобран — и три дворянские усадьбы возобновят законное самостоятельное существование, каждая обогатив свою биографию столь яркой и многозначительной страницей.

Известно, что в 1787 году Потемкин продал Усадьбу Лопухиных князю А.Я. Хилкову. Может быть, она была подарком Екатерины в память о прожитом в Москве. Есть сведения о том, что усадьба принадлежала матери Потемкина — Дарье Васильевне, которая имела свой дом у Никитских ворот. Почему бы императрице, в знак особого расположения, не преподнести прекрас-

ный усадебный дом в подарок матери своего возлюбленного (мужа?), раз уж она подарила ей при встрече и знакомстве часы — большую роскошь для того времени — и титул кавалерственной статс-дамы.

Воспитатель Венценосца

В самом конце XVIII века владельцем усадьбы становится действительный тайный советник Александр Яковлевич Протасов. Он был одним из тех, кому Екатерина II доверила воспитание своего любимого внука — будущего императора Александра I. Обязанность Протасова заключалась в том, чтобы следить за повседневным поведением мальчика, и генерал добросовестно записывал свои наблюдения в специальном дневнике. Оценка воспитателя вряд ли отличалась объективностью — у Протасова был простой барометр нравственности, весьма прямолинейная педагогика и этика. Вряд ли мог блюститель порядка уловить все тонкие движения сложного душевного мира будущего венценосца.

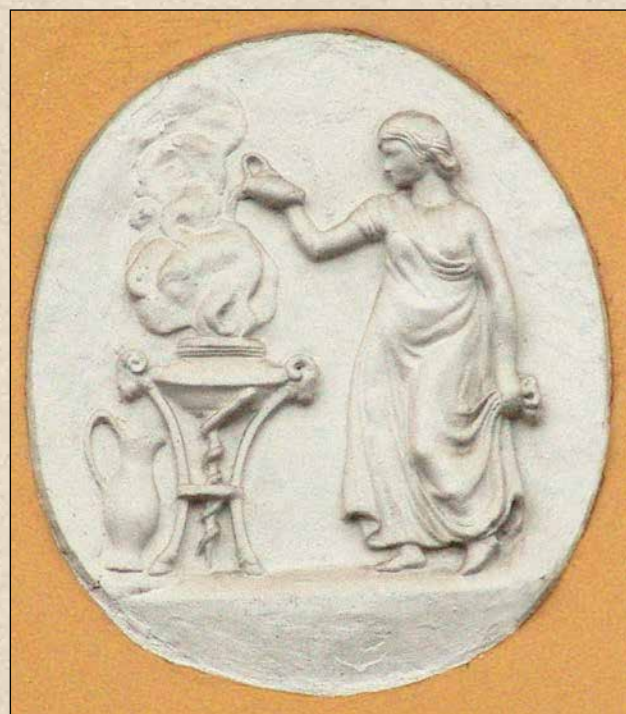
Екатерина II готовила «на царство» не сына Павла, а внука, внедряла в него все необходимое для этого по своей педагогике. Она писала о маленьком Александре своему европейскому корреспонденту Гримму: «О, он будет любезен, я в этом не обманусь. Как он весел и послушен, и

¹² По одной из версий, тайное бракосочетание произошло во внутренней церкви Пречистенского дворца.

Лепные украшения на фронтоне главного здания Усадьбы Лопухиных. Крылатые львы с кифарой

уже с этих пор старается о том, чтобы нравиться». И Александр старался. Так же, как старался скрыть за маской любезности правду своей души. Он не хотел власти, государственные заботы казались ему непосильными и страшными. С раннего детства Александр развивался быстро, имел интерес к познанию истории, в три года уже читал, писал, рисовал, к 13 годам говорил на четырех языках. Но что мог он, юноша с утонченной душой, вынести из наблюдений за карнавалом дворцовых интриг, царедворского угодничества, хитрости, обмана и непомерной роскоши? Весьма понятна причина его «загадочной душевной двойственности». Протасов писал в своем дневнике, что «в Александре Павловиче много остроумия и способностей», но в то же время наблюдается «совершенная лень и нерадение» узнавать о том, что происходит внутри страны и в Европе.

Лепные украшения на фронтоне главного здания Усадьбы Лопухиных. Весталка

«Действует в нем одно желание веселиться и быть в покое и праздности. Дурное положение для человека его состояния. Я все силы употребляю преобороть сии склонности. От некоторого времени замечаются в Александре Павловиче сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошими женщинами». Что касается «сонных грез», то тут императрица применила своеобразную методу: заказала доставить из Бадена хорошеньких принцесс, а из придворных определила надежную даму для посвящения 15-летнего юноши в «тайны восторгов». Наставления же генерала Протасова были в высшей степени целомудренны:

«...Говорил я его высочеству о сих чувствах и что прямая любовь, основанная на законе, соединена обыкновенно с большим почтением, имея нечто в себе божественное, поелику она, быв исполнена нежности, прилепляется более к душевным свойствам, нежели к телесным, а посему самому не имеет тех восторгов, кои рождаются от сладострастия; что сия любовь бывает вечная, и что чем она медлительнее выражается, тем прочнее на будущие времена будет».

Женитьба на очаровательной и умной юной француженке не остепенила Александра. По-военному ответственный (до сих пор!) воспитатель записывает в дневнике: «В течение октября и ноября поведение Александра Павловича не соответствовало моему ожиданию. Он прилепился к детским мелочам, а паче военным, и, следуя прежнему, подражал брату, шалил непрестанно с прислужниками в своем кабинете весьма непристойно. Всем таковым непристойностям, сходственным его летам, но не состоянию, была свидетельница супруга».

Тем не менее следует сказать, что Александр усвоил несколько полезных правил строгого наставника, которым следовал всю свою жизнь: рано вставать, быстро одеваться, быть умеренным в пище и питье, хорошо обращаться с людьми,

не позволяя, однако, фамильярности, никогда не говорить с окружающими о своих горестях и неудачах. Но простодушный и однозначный Протасов не мог, конечно, оставить в душе Александра столь внушительный след, как швейцарец Лагарп, покоровший воображение юноши идеями «об общем благе», «о благе наций». Когда Александр уже стал искусным дипломатом и стратегом, либеральным монархом, победителем Наполеона, когда его уже называли в Европе «царь царей», он писал своему европейскому учителю: «Если, при помощи провидения, некоторые настойчивость и энергия, которые я имел случай выказать <...>, могли быть полезными делу независимости Европы, то этим я обязан Вам и вашим наставлениям».

Однако и воспитатель Протасов не был забыт великодушным монархом: заступив на престол в 1801 году, Александр I даровал ему графский титул. Но Александр Яковлевич Протасов в то время уже скончался, и славный титул достал-

ся его жене Варваре Алексеевне. И с 1802 года она, вдовствующая действительная тайная советница графиня Протасова, стала владелицей Усадьбы Лопухиных.

Усадьба принадлежала Протасовым целых полвека.

За эти годы произошло многое. Война 1812 года поглотила в московских пожарницах 6,5 тысяч зданий, в том числе архитектурные шедевры. Дом Лопухиных чудом не пострадал, но, разделяя общее настроение возродить после бедствий город, Протасовы значительно преобразили усадьбу. На главном фасаде дома за счет утолщения штукатурки появляются членения боковых ризалитов, оформленные рустом. Чуть позднее был пристроен тамбур главного входа. На втором этаже дворового фасада возникает трехчастное окно с белокаменными полуколоннами. В залах второго этажа переделываются многие печи, закладываются подоконные ниши. В полукруглой комна-

Герб Протасовых на фронтоне главного здания Усадьбы Лопухиных

те западной анфилады появляются детали, очень обогатившие ее интерьеры: четыре колонны с коринфскими капителями, отделанные искусственным мрамором зеленовато-бирюзового цвета.

Но самое яркое изменение связано с главным фасадом здания — к нему пристроили шестиколонный портик на белокаменном стилобате, его украсили богатой лепниной, а на фронте запечатлели дворянский родовой герб Протасовых. Динамично изображенные большие геральдические атрибуты — орел и лев — прочитываются олицетворением мощи и гордого достоинства. В геральдике эти две фигуры иногда сливаются в одну, у которой тело льва, а голова и крылья — орлиные. Это Грифон — загадочное мифическое существо, властитель Неба и Земли, страж сокровищ и страж сокрытых знаний, победитель всех демонических существ «дьявольского толка». Интересно, что на родовых гербах Лопухиных на белом фоне (или на серебряном) изображался красный гриф. В Древней Греции верхом на таком могущественном животном иногда восседал сам Аполлон, бог Света и покровитель искусств. В средней части портика протасовского дома — лепная композиция, на которой два крылатых льва обрамляют старинный музыкальный инструмент, похожий на кифару — один из атрибутов Аполлона. Все эти детали, символизирующие мощь Искусства, словно предугадывают в этом доме в будущем Музейон — Дом Муз. Четырежды повторенный в больших медальонах портика античный образ жрицы, очень напоминающий Весталку¹³ у храмового жертвенника, также окажется созвучным идеям семьи Рерихов о почитании духовного огня.

Еще несколько преданий

В 1830 году главный дом усадьбы снимал у владельцев генерал-майор Д.Н. Бологовский, участник сражений при Бородино и Лейпциге. Известна также его причастность к заговору против Павла I. Бологовский был давним знакомым отца и дяди А.С. Пушкина, общался и с самим поэтом. В своем дневнике 3 июня 1834 года Пушкин упоминает о

нем: «Генерал Болховской¹⁴ хотел писать свои записки (и даже начал их; некогда, в бытность мою в Кишиневе он их мне читал). Киселев сказал ему: «Помилуй! Да о чем ты будешь писать? Что ты видел?» — «Что я видел? — возразил Болховской. — Да я видел такие вещи, о которых никто и понятия не имеет...»» Дальше у Пушкина (надеюсь, действительно со слов самого генерала) передается похваление таким фактом, о котором вымолвить неприлично — разве что в сугубо мужской компании. Не усомнимся, впрочем, что в жизни Бологовского было много интересных событий, в которые вплетались и судьбы замечательных людей. Не исключено, что и встречи с Пушкиным были не только в Кишиневе, но и здесь, в Москве, в Малом Знаменском переулке. Тем более что по соседству, в доме № 5, жил его ближайший друг Петр Андреевич Вяземский.

С 1852 года Усадьба Лопухиных в течение почти сорока лет принадлежала церемониймейстерше Анне Петровне Бахметьевой. Среди ее знакомых был Н.В. Гоголь — можно предположить, что великий писатель бывал в этом доме в центре Москвы.

Трудно сказать, при каких именно хозяевах, но известно, что многие помещения второго этажа Усадьбы Лопухиных постепенно были разделены перегородками на небольшие жилые комнаты, а карнизы XVIII века при этом частично заменены другими, соответствующими второй половине XIX века.

В 1890 году — всего один год — усадьба принадлежала князю Д.А. Оболенскому. Для этого прекрасного дома ничего более нелепого князь придумать не мог, как только устроить здесь... прачечную! Но Московская городская управа благочиния не позволила воплотить такую безнравственную по отношению к памятнику культуры затею. Управы благочиния были созданы Екатериной II и среди прочего следили за городским благоустройством. Хотя в конце XIX века управы

уже были ликвидированы (а жаль!), в случае с нашей усадьбой они еще успели сыграть спасительную роль.

С 1891 по 1917 год усадьба принадлежала фрейлине Их Императорского Величества Государыни Императрицы — Марии Михайловне Петрово-Соловово. В это время, на рубеже XIX—XX веков, появляется вход в здание южной части главного фасада, где на месте окна был пробит дверной проем. Одновременно там же устраивается каменное крыльцо с решетчатым ограждением, а внутри здания — еще одна лестница, ведущая с первого на второй этаж, чрезвычайно загромоздившая южную часть дома. Кроме того, в те годы были построены новая центральная часть северного жилого флигеля (при этом разобрана часть каретного сарая) и глухая каменная ограда со стороны Малого Знаменского переулка (не сохранилась). В западной части двора, позади главного дома, появляется северо-западный двухэтажный жилой флигель (в настоящее время перестроен и находится в пользовании ВАО «Агротехмэкспорт»).

А далее, в советское время, начинается самый прозаичный период в биографии Усадьбы Лопухиных, и довольно продолжительный. В 20-е, 30-е годы прошлого века Николай Константинович Рерих, вынужденно покинув страну, путешествовал по миру, вбирая разнообразные впечатления и накапливая важные знания, которые будут отражены на его полотнах и в его книгах, — а дом, которому суждено было принять это уникальное наследие, уничтожался безотчетно и безнаказанно. Не ради смены стиля, не для воплощения чьей-то творческой идеи, а потому, что обитателям его не было никакого дела до красоты — в материальном и тонком, энергетическом смысле этого явления. Не было и ответственности.

Сразу после октябрьской революции в Усадьбе Лопухиных расположился военный отдел ЧК. Изысканные апартаменты сменились на кабинеты, от тяжелых шагов вздрагивали лестницы и хрустальные люстры, светлое пространство

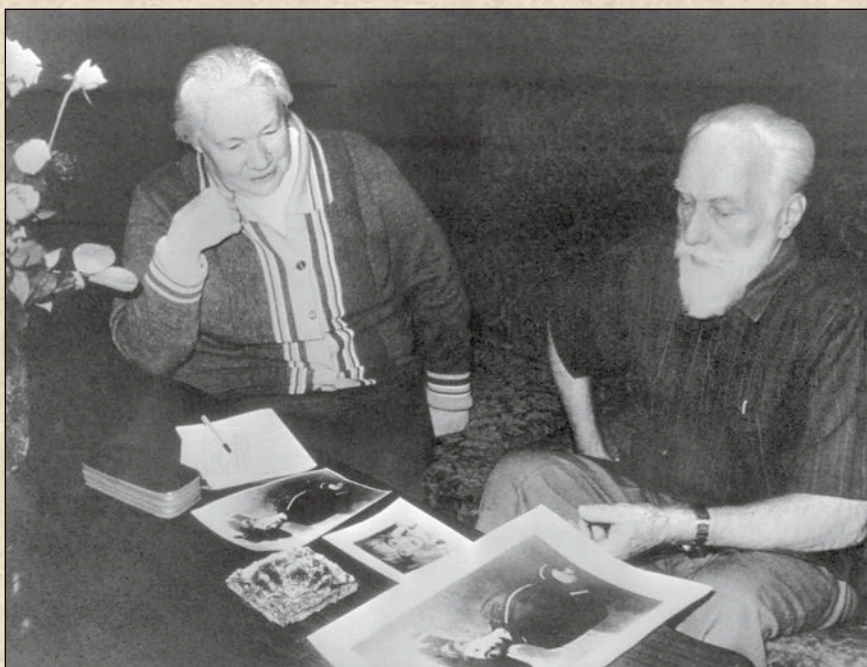
Фотопортрет М.М. Петрово-Соловово

дома наполнилось сумраком от обилия черных кожаных плащей, бушлатов, кирзовых сапог. В 20-е годы здесь был филиал Музея Маркса—Энгельса — даже переулок надолго переименовали в улицу Маркса—Энгельса; позднее дом использовался под жилые и административные нужды.

По мере приближения биографии усадьбы к самому значительному ее этапу, связанному с Музеем Рериха, все банальнее и тусклее она становится, и не только банальнее, но и трагичнее — уникальный памятник культуры XVII—XIX веков приходил в негодность, рассыпался, раскалывался, и не было никому до этого дела! С 1965 года усадьбу занимало Министерство тяже-

¹³ В греко-римской культуре — жрица храма Весты, богини огня.

¹⁴ Так Пушкин писал фамилию генерала.

Людмила Васильевна Шапошникова и Святослав Николаевич Рерих

лого машиностроения. Казалось бы, ну Министерство, ну чиновники, это же не прачечная Оболенского! Памятнику культуры хуже не будет... Но именно Минтяжмаш передал Музею Рериха почти исторические руины. И только благодаря энергичным и мудрым действиям доверенного лица Святослава Николаевича Рериха — Людмилы Васильевны Шапошниковой и ее ближайших сподвижников оказалось возможным возродить Усадьбу Лопухиных и разместить в ней драгоценное культурное наследие. С 1994 года развернулись полномасштабные реставрационные ра-

боты. Специалисты провели усиление фундаментов, укрепили стены главного дома и флигеля, деревянные конструкции перекрытия второго этажа и кровли главного здания; был отреставрирован фасад здания, анфилады второго этажа, белокаменные подвалы, устроена гидроизоляция фундаментов, воссоздана историческая ограда, реконструированы все наружные инженерные коммуникации. В настоящее время завершается воссоздание великолепного шатрового крыльца XVII века.

Международный Центр-Музей имени Н.К. Рериха более 15 лет успешно действует на основе программы, сформулированной Святославом Николаевичем Рерихом. За эти годы Центр-Музей уже обрел свою значительную биографию — она озарила сложную судьбу Усадьбы Лопухиных.

Минуя большие парадные ворота с узорчатой ковеной решеткой XIX века, входим в парк усадьбы. Сквозь высокие тополя сияет здание Музея имени Н.К. Рериха. Белоснежную колоннаду венчает родовой дворянский герб, лепнина главного фасада погружает нас во времена русского классицизма. С другой стороны здания — XVII век. Шатровое крыльцо, окна с богатой резьбой налични-

ков, угловые белокаменные полуколонны, пояс поребрика — восхитительные детали русского узорочья! Лестница, по которой поднимаемся на второй этаж, хранит память о жизни нескольких поколений. Залы Музея наполнены экспонатами, связанными с биографией семьи Рерихов, на стенах картины Николая Константиновича и Святослава Николаевича Рерихов — но среди превосходных полотен, фотографий, реликвий глаз все равно уловит и внимание с интересом остановится на деталях внутреннего оформления, характерных для XVII века. Фриз Петербургского зала навевает историческую панораму событий, через три столетия восходя к его основателю — Петру Великому. У витрины Сен-Жермена кому-то из нас вспомнятся слова, написанные Е.И. Рерих: «Конечно, Сен-Жермен играл роль и в русской истории, именно при его помощи Екатерина Великая заняла русский престол»¹⁵.

Вбирая в себя атмосферу прекрасного старинного дома, созерцая достоверно воссозданные де-

тали интерьеров, легко представить картины прошедших веков. Мраморный камин с вкраплениями лазурита — словно бы тот самый, что согревал издавшие виды стены и сменявших друг друга обитателей дома. Огромные зеркала в позолоченных резных обрамлениях — точно в таких отражались всполохи счастья и тонули взоры надежды, смотрелась легкомысленная радость и глубокое раздумье. В этих залах, освещенных огнями таких же великолепных хрустальных люстр, мелькали локоны и вуали, веера и кринолины. Точно такой дубовый паркет знал прикосновение парчовых туфель и важную поступь генеральских сапог... Все пространство насыщено флюидами прожитых времен, всюду их незримое живое присутствие.

Здесь отразилась сама история становления Российского государства, здесь, в пространстве спрессованных столетий, сконцентрированы энергии Прошлого, на которое опираются созидательные дела, творящие восхитительное Будущее.

¹⁵ Рерих Е.И. Письма. Т. IV. М., 2002. С. 433.

Современный вид Усадьбы Лопухиных

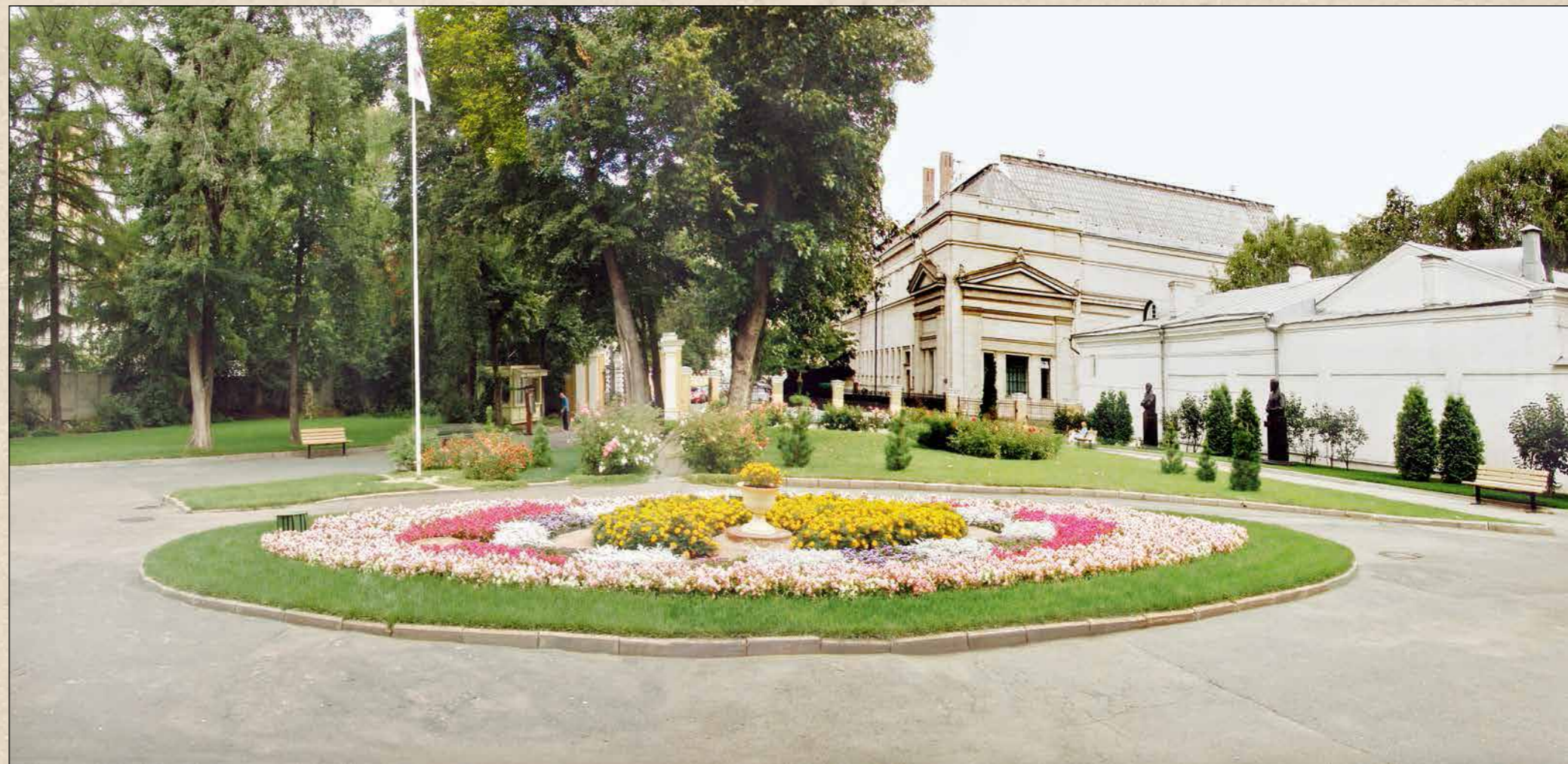

О.В. Троицкая

Ничто не будет без любви...

Если не спешить и постараться быть достаточно внимательным, рассматривая представленные на стендах выставки «Усадьба Лопухиных: история реставрации» фотоматериалы, связанные с работами по восстановлению прежнего облика Усадьбы, чертежи, где по крупницам восстанавливалось былое, то постепенно вам откроется то, что обычно остается «за кадром»: подвижнический труд реставраторов и строителей, возродивших здания, где ныне размещается Международный Центр-Музей имени Н.К. Рериха. Сравнение разрухи 90-х годов прошлого столетия с сегодняшним видом отреставрированных музейных зданий, ограды, цветущего парка там, где были груды строительного мусора, производит сильное впечатление.

Сегодня главное здание Усадьбы Лопухиных, где размещается Центр-Музей, представляет собой весьма оригинальный, «многослойный» памятник архитектуры: фасад его, обращенный к Малому Знаменскому переулку, формировался в разные временные периоды и отражает вкусы владельцев, начиная с XVIII века. Когда Усадьба была включена в комплекс Пречистенского дворца Екатерины II, над фасадом работал великий зодчий Матвей Казаков. Он полностью изменил интерьеры второго этажа и соорудил парадную лестницу. Она дошла до нашего времени с большими искажениями, но прежний ее облик восстановлен реставраторами, и

Современный вид парка Усадьбы Лопухиных

Главный архитектор МЦР И.Р. Красавцева-Байда рассказывает об истории реставрации Усадьбы Лопухиных

она, как и раньше, ведет гостей на второй этаж дворца, где частично сохранилась отделка 1774—1775 годов.

Позже, при графах Протасовых, к фасаду пристроили шестиколонный портик с их гербом на фронтоне, а также тамбур главного входа; при последней владелице, М.М. Петровой-Солововой, был оформлен еще один вход в здание с крыльцом на юго-восточной стороне фасада.

Противоположная сторона главного дома воспроизводит боярские палаты конца XVII века — их на землях, подаренных государем, выстроил боярин Ф.А. Лопухин, отец первой жены Петра I Евдокии.

После 1917 года Усадьбу Лопухиных постигла та же участь, что и множество памятников истории и архитектуры по всей России, — в обветшавших помещениях бесценных архитектурных построек размещались учреждения, организации различного ранга, их перепланировали под коммунальное жилье, и так далее и так далее... Бродя по московским переулкам советского периода, часто можно обнаружить перекрашенное в неопределенный цвет, обезличенное зданье, в котором угадывалось нечто, напоминающее остатки старинных палат или церкви. На вывеске у входа значилось название какого-нибудь ведомства, не имеющего ни малейшего отношения к истории либо культуре, а сбоку — мраморная доска: «Памятник архитектуры такого-то века. Охраняется государством». От подобного зрелища становилось грустно, и чудился в этом полусознательный цинизм, поскольку доска и вывеска зачастую выглядели презентабельнее, чем состояние самого памятника. Конечно, крупные историко-архитектурные комплексы, судьбу которых замолчать было невозможно, брались под

Усадебный парк в 1991 г.

Дворовый (западный) фасад до реставрации...

...и после очередного этапа реставрации. 2000 г.

опеку государства, однако весьма и весьма относительную.

Для Усадьбы Лопухиных период забвения закончился в 1965 году, когда было решено начать ее реставрацию¹. Реставрационные работы проводились под руководством специалистов Центральных научно-реставрационных проектных мастерских (ЦНРПМ) Министерства культуры СССР, затем РФ. Архитектором И.В. Ильенко, а затем ее ученицей И.Д. Любимовой был разработан эскизный проект реставрации, направленный на выявление сочетающихся в синтезе наиболее интересных этапов архитектурной истории зданий, где черты белокаменных палат конца XVII века проступали сквозь облик дворцовой архитектуры конца последующего столетия. Классический декор этого периода был восстановлен на главном фасаде в соответствии с архивными чертежами 1850 года. Начались работы по воссозданию внутреннего пространства, а на дворе фасаде, над сходом в подвал по результатам раскопок был воспроизведен фрагмент Красного крыльца.

И тем не менее, когда в 1989 году Усадьбу после очаговой реставрации 1965—1989 гг. передали Советскому Фонду Рерихов, она все равно находилась в плачевном состоянии, и было ясно, что для полноценного проведения восстановительных работ помимо собственных сил потребуется труд профессионалов высокого класса.

Археологические раскопки на территории Усадьбы проводились Московской археологической экспедицией под руководством А.Г. Векслера. Археологи проделали большой труд: сняли толщу культурного слоя, тщательно ее исследовали, расчистили и описали 11 каменно-кирпичных фундаментов и 4 деревянных сооружения — остатки деревянных полов и частокол.

В 200 кубометрах вынутого грунта было обнаружено почти сто пятьдесят находок: железные стрелы IX—XIV веков, железные ножи, музыкальный инструмент, перстни медные и из драгоценных металлов, желез-

ный ледоходный шип, применявшийся для подковывания лошадей в монгольскую эпоху, обломки голландской курительной трубки (не ее ли курил голландский суконщик Иван Тамес, которому Петр отдал отнятые у опальных Лопухиных палаты?). Здесь же — пряслице из розового шифера домонгольского времени, более полусотни фрагментов изразцов и терракот XVIII века, три десятка костяных и каменных изделий, архитектурных деталей, предметов из стекла и керамики, монет. Счастлив тот, кто знал то удивительное чувство, которое возникает у археолога, когда он вынимает из земли осколок изразца или мелкую древнюю монетку. «Ничто и никаким способом не приблизит так к ощущению древнего мира, как собственноручная раскопка и прикасание, именно первое непосредственное касание к предмету большой древности»², — писал Н.К. Рерих, с юных лет чрезвычайно увлекавшийся археологией. Часть находок, относящихся к периоду владения Усадьбой Лопухиными и поздними ее владельцами, вошла в экспозицию выставки 2005 года.

Профессионалам — археологам и строителям — помогали энтузиасты-рериховцы из Севастополя, Симферополя, Пензы, Обнинска, других регионов. Без них восстановить Усадьбу было бы практически невозможно. «Волонтеры» делали все, что потребуется, выносили строительный мусор, монтировали первые экспозиционные щиты музея, оформляли конференции, разбирали завалы на чердаках. На чердаке флигеля именно они обнаружили почти не поврежденную временем поучительную книгу XVIII века «Подвиг христианина против искушений». По сей день преемники-добровольцы неизменно участвуют в восстановлении Усадьбы. Тут уместно привести строки из статьи Н.К. Рериха «Ценность прекрасного», где он пишет: «Все строительство, все просвещение, все духовное вдохновение, вся радость и спасение нарождаются на основах культурных ценностей. Сперва опознаем и сбережем культуру, а затем и сами банкноты страны станут привлекательными»³.

Двенадцать лет — срок показательно краткий. Потому перечень и объем реставрационных работ, проделанных за эти годы, приводит в изумление. На одной из фотографий, представленных на стенде выставки, видно, как стену фасада главного здания рассекает опасная трещина. В 1994 году фундаменты главного здания и флигеля были усилены методом устройства буронагнеточ-

ных свай на глубину до 18 метров, что остановило процесс просадки. В следующем, 1995-м старинные деревянные конструкции кровли и перекрытия второго этажа главного дома были укреплены методом протезирования полимербетоном, а стены и фундаменты укреплены и гидроизолированы. Полная реставрация фасадов главного дома завершилась в 1995—1996 гг. По архивным чертежам возвели тамбур главного входа в музей, отреставрировали юго-западное крыльцо, где теперь располагается администрация. К этому времени завершилось укрепление всех несущих стен здания: через отверстия, просверленные в шахматном порядке, в них закачивали специальный инъекционный раствор. Со временем в известняке, из которого были сложены стены, образовались расслоения, и качать укрепляющую жидкость временами приходилось чуть ли не ведрами, — сюда закачали около 20 тонн.

На снимке 1997 года — обрушенные пилоны у входа на территорию Усадьбы. Смотреть на эту фотографию сегодня больно: неужели так было? Кованые ворота были реставрированы в Ярославских реставрационных мастерских, там же были исполнены и звенья ограды. Летом 1997-го ворота, как и ограду парка, заново установили на прежнем месте, и вдоль нее теперь каждый год расцветают пышные кусты нежно-розовых роз. Тогда же на территории Усадьбы были завершены работы по всем наружным инженерным коммуникациям.

К открытию новой экспозиции музея 9 октября 1997 года строители закончили реставрацию восьми залов второго этажа. Ведущую наверх парадную дубовую лестницу пришлось восстанавливать заново — несущие конструкции прежней прогнили.

К юбилейной конференции 1999 года была полностью возвращена историческая анфилада второго этажа, сложившаяся в 70-е годы XVIII века; на сохранившихся фундаментах были восстановлены печи XVIII—XIX веков, которые заняли свое место во внутренних помещениях. Теперь отоплению они, конечно, не служат, в них укрыты инженерные коммуникации. На полы лег дубовый паркет, вернулся зеркально-мраморный камин со вставками из лазурита, а Зал Учителей украсили колонны из искусственного мрамора и парадное зеркало в позолоченной раме. Там же, в Зале Учителей и в Каминном зале, льют свет большие хрустальные светильники, выполненные по образцам XVIII века. Реставраторы и стро-

¹ В тот момент здание пребывало в аварийном состоянии, и Министерству тяжелого машиностроения СССР, один из трестов которого размещался в нем до 1990 года, вменялось в обязанность его отремонтировать. Минтяжмаш был и пользователем и заказчиком. В 1990—1992 гг. заказчиком стало Управление охраны памятников истории и культуры г. Москвы. В 1993 году министерство, реорганизованное и измененное, отказалось от своих обязательств. Заказчик прекратил финансирование работ и грозил передать здание другому арендатору. Тогда МЦР добился прав заказчика и получил возможность непосредственно влиять на ход ремонта и реставрации Усадьбы Лопухиных.

² Рерих Н.К. Полвека / Рерих Н.К. Листы дневника. В 3 т. Т. 1. М., 1999. С. 150.

³ Рерих Н.К. Ценность прекрасного / Там же. С. 138.

Портал XVII в. в процессе восстановительных работ

ители стремились максимально сохранить аутентичные детали интерьера и материалы, из которых они были сделаны изначально: сохранившийся на откосах окон и дверных проемах искусственный мрамор XVIII века отчистили от поздней краски и отреставрировали; фрагментарно, в виде зондажей, выявили интересные архитектурные элементы XVII века: порталы дверных проемов, стенную нишу — до перестроек, в результате которых возник Пречистенский дворец, второй этаж представлял собой парадные сводчатые палаты. К 2001 году реставрация первого этажа и белокаменных подвалов тоже была закончена.

В 2002 году, когда расчищали подвалы в центральной части флигеля, на глубине трех метров от уровня существовавшего пола первого этажа строители обнаружили стены более древней части флигеля, относящиеся к концу XVII и первой трети XVIII века. Сегодня флигель восстановлен и вмещает в себя научно-просветительский отдел МЦР, отдел рукописей, библиотеку, редакцию журнала «Культура и время», публикаторский, ремонтно-реставрационный, технический отделы — те службы и подразделения, которые, в соответствии с замыслом С.Н. Рериха, помогают сделать Международный Центр Рерихов центром культуры, научной и творческой деятельности. Новоселья в новых реконструированных помещениях ожидают творческие студии, мастерские, здесь же будет конференц-зал и оптический театр, который так полюбили зрители всех возрастов.

Историко-архитектурный комплекс «Усадьба Лопухиных», где располагается Центр-Музей имени Н.К. Рериха, органично вписан в архитектуру и планировку современного центра столицы, и ему предстоит стать частью общего плана «Золотого пешеходного кольца Москвы».

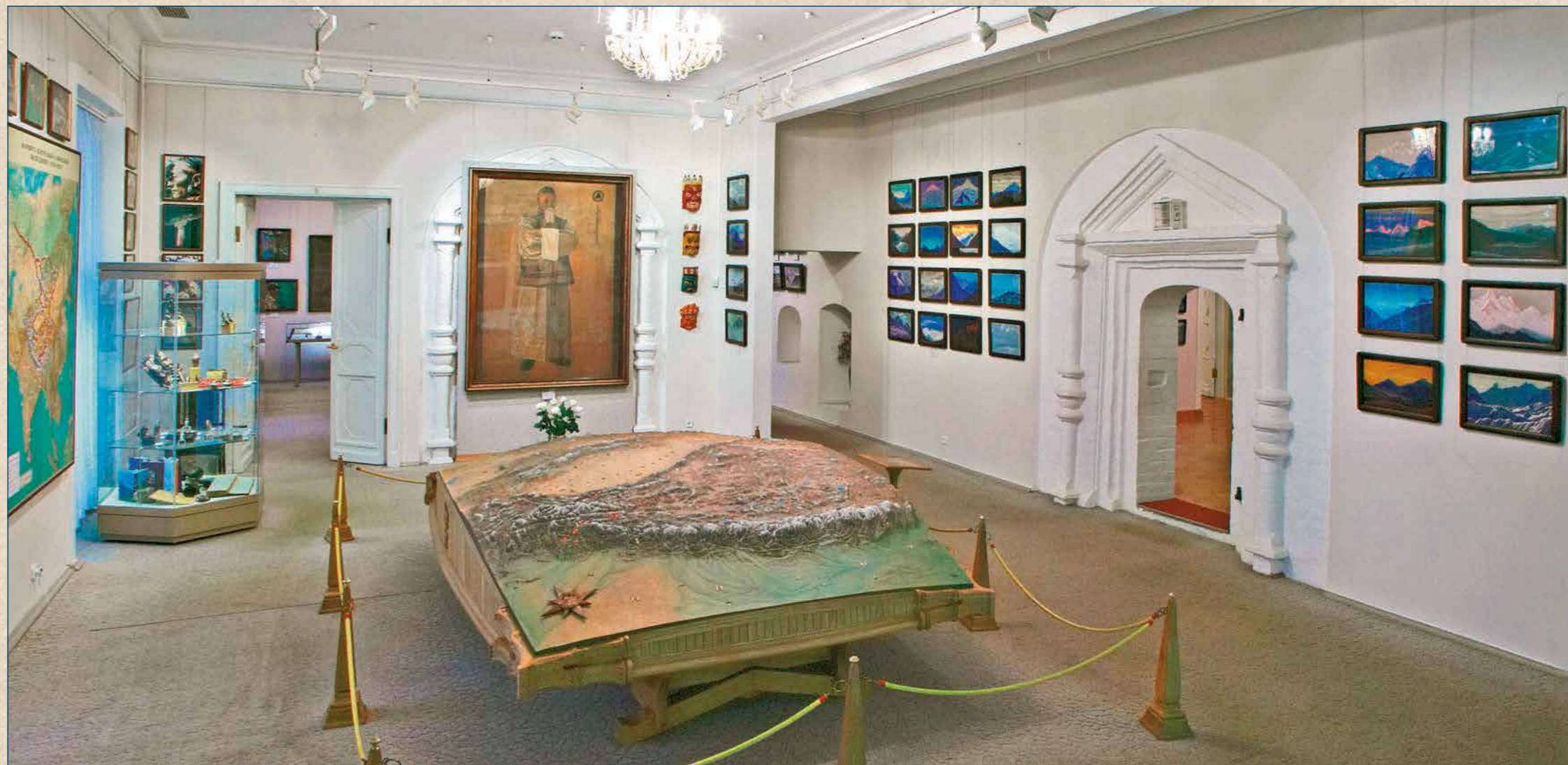
Большой макет Усадьбы (авторы-архитекторы — И.В. Ильенко, уже ушедшая от нас, и И.Д. Любимова), представленный на недавней выставке, демонстрирует, какой она станет, когда проект будет осуществлен полностью. Будет восстановлено все: и каретник, и полное здание флигеля, и исторический облик сада-парка. Специалисты отмечают грамотность реставрации: проект выполнен на основе научного подхода, после многочисленных исследований, и демонстрирует чрезвычайно бережное отношение к памятнику.

В начале славных дел по реставрации Усадьбы, когда велись крупные работы, для монтажа балок перекрытий и конструкций мансарды флигеля применялся автокран, бурение велось на подвижных буровых установках. Сегодня на территории Усадьбы самое серьезное строительное приспособление — агрегат для перемешивания цементного раствора, и в отношении тех, кто реализует общую для единомышленников мечту, старая поговорка «не боги горшки обжигают» обретает совершенно конкретный смысл. Усадьба Лопухиных достойна войти в историю реставрации и восстановления, потому что о ее объектах можно смело говорить: это здания ручной работы. Бескорыстный труд восстановителей — ответный подарок С.Н. Рериху за неоценимый дар, который он оставил России. Наследие его семьи теперь хранится, изучается и служит делу культуры в этих заново восстановленных стенах.

Именно любовь к общему делу, та, без которой ничто хорошее быть не может, дает сотрудникам МЦР и их соратникам колоссальный энтузиазм, с помощью которого они без малейшей государственной поддержки выстояли и выстроили Музей.

Замысел — масштаба государственного, а воплощается он в основном людьми, которые не состоят на «государевой службе». И в МЦР, учреждении формально негосударственном, пекутся о ценностях государственной культуры, о государственном деле во имя Отечества, избрав для усилий высокую меру альтруизма и неподдельного бессребреничества. Такое любовное попечение и есть реальное «охранение ценностей Культуры», о котором Н.К. Рерих говорил, что оно «пробудит многие заснувшие пути творчества, и целые государства опять вспомнят, в чем их непоколебимость и непобедимое достоинство и ценность»⁴.

⁴ Рерих Н.К. Ценность прекрасного / Рерих Н.К. Листы дневника. Т. 1. С. 139.

Зал Центрально-Азиатской экспедиции Музея имени Н.К. Рериха